

Трудности перевода

«Из всех редакций Правды наиболее изученной является краткая редакция». Таким утверждением М.Н. Тихомиров подытожил состояние дел к 1940 г.¹² Что имел в виду исследователь: что в изучении КрП достигнуты несомненные и недвусмысленные результаты? что прочно установлены главные моменты в истории памятника? что всё меньше остаётся дискуссионных проблем? Едва ли. Его собственное последующее обсуждение темы свидетельствовало об обратном. Но Тихомиров был прав: если под «изученностью» понимать количество вложенного труда, то КрП – несомненно наиболее изученный из текстов *Правды*. Внимание исследователей всегда было приковано к этому предположительно древнейшему и потому гораздо более важному памятнику права в ущерб спискам *Пространной редакции*. Со времени выхода в свет статьи Тихомирова «изученность» КрП только увеличилась; результаты же остались прежними.

Несмотря на свою респектабельную репутацию, КрП никогда не сулила исследователям ничего, кроме внушительного количества проблем. Их число никак не уменьшается, несмотря на столетия изучения и горы написанного с целью устранить очевидные несообразности текста. Понимание древнего текста – всегда своего рода «перевод» на знакомый современному исследователю язык, понятийный аппарат, приемлемую логику и т.д. При переводе, разумеется, неизбежны потери. Поэтому научный комментарий призван хотя бы частично компенсировать утраты, делая текст более доступным и непротиворечивым. Комментарий – своего рода карта, позволяющая лучше ориентироваться на местности и не потерять направление. Однако количество комментария, требующегося для хотя бы приблизительного уяснения текста КрП, чрезвычайно и сигнализирует о каких-то фундаментальных «трудностях перевода», связанных как с языком, так и с содержанием. Более того, погружение в комментарии приводит к едва ли не большей дезориентации. Всякий, кто пытается понять содержание КрП, вынужден пробираться сквозь густой лес догадок, предположений и гипотез. Разнообразие и противоречивость высказанных толкований отдельных понятий, целых статей и всей структуры текста таковы, что говорить о скольконибудь заметном консенсусе не приходится. Отсутствие же достаточно широкого дисциплинарного консенсуса, как утверждают историки науки, указывает на зону исследований, где не достигнуто или (в настоящих обстоятельствах) не может быть достигнуто научное знание.¹³

В самом деле, КрП – весьма странный текст. Никому так и не удалось обнаружить логику в этом случайном наборе изолированных прецедентов. Как зако-

---

12 Тихомиров М.Н. Русская правда, 147.

13 Aviezer Tacker, *Our Knowledge of the Past. A Philosophy of Historiography* (Cambridge, 2004), 24–45.

нодательный документ, КрП лишена какого-либо смысла. Она слишком кратка и отрывочна, лишена сколько-нибудь внятного порядка и покрывает собой слишком мало «законного поля», чтобы ею возможно было пользоваться как практическим юридическим кодексом. Общество, реконструируемое на основании такого закона, настолько рудиментарно, что не вяжется с представлениями о Руси XI в.

Существует почтенная историографическая традиция, реконструирующая социальные отношения на основании памятников права, по которым живет общество. Что же за общество возникает со страниц КрП? Это – общество, где не вступают в брак и не разводятся; общество, где не умирают и не делят наследство; где не торгуют и не зарабатывают деньги; общество, где фактически ничего не производят, а всё разнообразие имущественных отношений сводится только к кражам. Что же делают в таком обществе? Это – исключительно мужское сообщество, члены которого избивают друг друга разнообразными способами, часто приводящими к убийствам. Так же избивают и подневольных людей (смердов, челядь), отчего те бегут, их ловят и снова избивают. В свободное от драк время члены «общества согласно КрП» воруют. Вот, по существу, и всё.

Правду рускую часто и совершенно обосновано зачисляют в разряд так называемых «варварских правд», то есть письменных законов, возникших из традиционного права и не опирающихся на опыт римского права. Даже поверхностно знакомый с европейскими варварскими правдами человек должен быть удивлён, насколько варварски выглядит на их фоне КрП. Не количеством насилия, но, прежде всего, объёмом регулируемых правоотношений и их детализацией. Это очевидно по отношению к наименее «романизированным» франкской *Lex Salica* или бургундской *Lex Gundobada*, не говоря уж о существенно больше затронутым римским правом законодательстве лангобардов или визиготов (*Forum judicum*). Даже в смысле объёма это совершенно несопоставимые с КрП тексты (напротив, ПрП выглядит более совместимо).

КрП оставляет вне внимания письменного закона огромные (быть может, наиболее существенные) сегменты общественной жизни; те же, что затрагивает, трактует скороговоркой. Объясняют это тем, что значительная часть законодательства во времена КрП всё ещё находилась в устной форме. С этим можно было бы согласиться, если бы речь шла только о 1016 г. Но, как полагают, КрП включает в себя и законодательство Ярославичей, то есть второй половины XI в. А это уже общество не предводителей военных дружин, каковыми были киевские князья X в., но христианских принцев, строящих и обустройствающих города, а в них – грандиозные соборы, перемещающих огромные массы населения, ведущих дальнюю торговлю и т.д. Вероятно, и такое развитое общество может существовать с рудиментарным письменным законодательством. Но дело тут в другом: как соотносить законодательство Ярославичей, отражённое в КрП, с законодательством тех же Ярославичей, отражённым в ПрП? Если (а в этом, как кажется, не сомневаются) ПрП и представляет собой законодательство Ярославичей и конца XI в., то что же тогда мы имеем в КрП? Его конспект?

КрП очевидным образом «не на своём месте». Не случайно проницательные исследователи (например, Л.К. Гетц) пытались обосновать идею, что законода-

тельство, представленное в КрП, на самом деле возникло за несколько столетий до XI в. и в его конце оказалось только записанным. Трудно представить побудительные мотивы для записи настолько устаревшего права. Ведь юридические тексты создавались не как «памятники права», не с мемориальной целью, а для повседневных практических нужд судопроизводства. Иные исследователи, напротив, отмечали в КрП черты начала XII в. Такая разногласия может означать только одно – исследователи с трудом находят «подходящую» эпоху для текста.

Проблемы, с которыми учёным придётся сталкиваться в интерпретации КрП, обозначились довольно рано. Полезно поэтому было бы в самых общих чертах обозначить наиболее значительные из них, а также бегло обозреть попытки разрешить противоречия.¹⁴

Вопреки прямому указанию летописи о том, что документ был издан Ярославом Мудрым в 1016 г., и вопреки тому, что именно его имя стоит в заголовке, большая часть текста, оказывается, создана сыновьями Ярослава и после смерти отца. Это, собственно, единственное «событие», отмеченное в самом тексте «грамоты». Каким образом Ярослав награждает новгородцев грамотой, текст которой возникнет после его смерти? Чем руководствовался летописец, помещая под 1016 г. документ, содержащий в себе недвусмысленное указание на происхождение после 1054 г.? Чем, наконец, руководствуются исследователи, настаивающие на авторстве Ярослава и на дате 1016 г.?

Кроме упоминания о съезде Ярославичей и их совместном издании законов, КрП лишена других хронологических указаний. Строго говоря, основываясь только на самом тексте КрП, грамоту невозможно поместить во времена Ярослава, тем более точно датировать её событиями 1016 г. Заметка о съезде Ярославичей, впрочем, помещена в статье 18 (согласно современному счёту). Возможное решение, таким образом, было найдено в том, чтобы разделить КрП приблизительно посередине, полагая вторую и несколько большую часть законодательством Ярославичей (так называемая «Правда Ярославичей»), а первую (так называемая «Древнейшая Правда») действительно грамотой, данной Ярославом для новгородцев в 1016 г. По иронии, единственная ссылка на законы Ярослава содержится именно во второй части, то есть «Правде Ярославичей» (статья 42).

Разделение документа на две части создавало теоретическую возможность того, что хотя бы часть нынешней КрП была издана в 1016 г. Почему же не «Древнейшая Правда» Ярослава, но обе части вместе, иными словами – документ, оформившийся между 1054 и 1073 гг., оказался помещён под 1016 г.? Для

---

14 Литература о *Правде русской* – необозрима. Только незначительная её часть может быть интегрирована в пределах одного исследования. Несколько книг могут послужить полезными путеводителями по историографии. Для довоенной литературы наиболее значительным руководством является второй том академического издания (*Правда русская*. Т. 2. *Комментарии*. М., Л., 1947), а также беглый, но ёмкий очерк в статье Тихомирова (Тихомиров М.Н. Русская Правда. К 200-летию открытия памятника. *Историк-марксист*, 1938, №5, 138–155). См. также: Daniel H. Kaiser, *The Growth of the Law in Medieval Russia* и посмертно изданную книгу А.А. Зимина (Зимин А.А. *Правда русская*. М., 1999).

историков права вопрос не стоял остро: они имели самостоятельный документ и знали его дату. Для историков же летописания, да и вообще историков, здесь было над чем поломать голову. Что означает дата 1016? Что именно в этом году КрП и была внесена в летопись? Или же летописец времён Ярославичей внёс КрП в статью 1016 г., зная откуда-то (но откуда? ведь в самой КрП дат нет, и не могло быть), что именно в этом году она возникла? Существуют авторитетные высказывания как в пользу первой, так и в пользу второй возможности, но примирить их, разумеется, нет крайне сложно.

Если КрП соединила вместе два разных юридических памятника, как они существовали на практике – как два отдельных документа? В таком случае, когда и при каких обстоятельствах они оказались соединены? Существует мнение, что «Древнейшая Правда» и «Правда Ярославичей», действительно, реально функционировали как два отдельных закона, а соединены оказались только в летописи. Поиски ответа на вопрос, как именно это могло произойти, создают дополнительные трудности, некоторые из них неразрешимые. Даже если правдоподобные сценарии предлагаются – а такие существуют и весьма изощрённые – многие вопросы остаются без надлежащего ответа.

С другой стороны, существует авторитетное мнение, что «Правда Ярославичей» была непосредственным продолжением законодательства Ярослава, то есть «Древнейшей Правды» (и, следовательно, обе *Правды* можно представить только как части единого кодекса). Этот сценарий лучше соответствует логике развития юридических текстов (где последующее законодательство наращивается над предыдущим), но труднее вписывается в историю летописания. Если КрП вне летописи дожила до конца XI в., для летописца она была бы современным документом и в ней мало что указывало бы на эпоху Ярослава. Что заставило летописца вставить её в явно анахронистический 1016 г.? И в чём тогда ручательство, что сама дата верна?

Согласно летописному рассказу, КрП была дана Ярославом новгородцам по окончании войны со Святополком. В таком случае, однако, дата 1016 г. не может быть верной – война продолжалась до смерти Святополка в 1019 г. Дата «1016 г.», следовательно, представляет собой результат ошибочной хронологии НПЛмл. С хронологической точки зрения гораздо благополучнее выглядит С1, где дата выдачи грамоты в самом деле соответствует окончанию войны со Святополком – 1019 г. Однако в С1 под 1019 г. читается текст ПрП, а, кроме того, С1 говорит о нескольких «грамотах», выданных в разное время Ярославом новгородцам. Уточняя хронологию, должны ли мы принимать и всю версию С1? И, напротив, если хронология НПЛмл ошибочна, в чём же ручательство аутентичности помещённой там КрП?

Что в действительности представляла собой КрП, не ясно. Утверждают вслед за летописью, что Ярослав издал свою грамоту как уставную для Новгорода и его жителей в знак особого расположения за неоценимую помощь, оказанную ему в войне со Святополком. Если так, это причудливый документ. В нём нет ничего «уставного» и, более того, ничего специфически новгородского. Никаких ожидаемых привилегий или свобод Новгород в КрП не получал. А получили

новгородцы напоминали о некоторых нормах уголовной ответственности, случайно подобранных, к которым были присоединены заметка о том, как исчислять вознаграждение сборщику судебных штрафов («Покон вирный») и лапидарная заметка о том, сколько платить плотникам, строящим или ремонтирующим мост («Урок мостников»). Вопреки всем усилиям исследователей, никакой системы или даже закономерности в следовании статей КрП не просматривается. Убийство, например, упоминается в статьях 1, 19–27 и 38. Между этими статьями находим штрафы за оскорбление действием между свободными мужами (3–10), за которыми следует статья о беглом рабе (челядине); затем четыре статьи (12–15) о краже (коня, оружия, одежды); ещё статья о беглом рабе (16); об оскорблении рабом свободного мужа (17); статья об оскорблении действием (18); затем опять о различных кражах (28–32); ещё об убийстве раба (смерда) (33); о распахивании межи (34); и вновь о кражах (35–40).

Не находя «свобод», иногда полагают, что сам факт дарования письменного права (безотносительно к его содержанию) мог бы считаться особой привилегией новгородцев. Но, как было неоднократно подмечено, в КрП не существует ничего специфически новгородского. Всё те же установления найдём и в тексте ПрП, единогласно признаваемой памятником киевского происхождения и общегосударственного значения. Разделение КрП на «Древнейшую Правду» и «Правду Ярославичей» несколько облегчает трактовку КрП, но лишь до известного предела. Ничего присущего только Новгороду нет и в первых восемнадцати статьях КрП, а подборка всё равно выглядит случайной. Более того, если привилегией было само введение письменного права, то это право оказывается киевским. Ярослав, таким образом, распространяет на Новгород юридический уклад иной исторической провинции. Новгородцам, оказывается, не даруют новые свободы и даже не подтверждают старые, но отнимают их традиционное право, то есть существенно ущемляют в правах. Чтобы подчеркнуть оскорбительность подарка, это новое навязанное новгородцам право ещё и демонстративно называют «Правдой *русской*», то есть южной, киевской.¹⁵

Вполне осознавая неестественность содержания КрП, А.А. Зимин вынужден был предположить, что мысль Ярослава было не даровать новгородцам свободы, но просто умиротворить их после жестокой расправы 1015 г.¹⁶ В таком случае внимание к убийству, оскорблению и краже (как вообще ко всякому насилию) выглядело бы более уместным. Будь это так, подобную грамоту логичнее было бы предложить новгородцам перед походом на Киев. Однако к 1019 г. или 1016 г. (что Зимин полагал правильной датой) разногласия между Ярославом и новгородцами были уже в прошлом, а лояльность доказана службой.

---

15 Как хорошо известно, в XI в. «Русью», «Руской землёй» ещё называют только Среднее Приднепровье. Новгородцы и гораздо позже строго отличают себя от «Руси». Это обстоятельство, кстати говоря, выдаёт руку более позднего летописца, писавшего явно не в XI и не в XII вв. – для него уже нет ничего странного в том, что Новгород зачисляется в состав «Руси». Так могло быть во времена составления НПЛмл (то есть в XV в.), но чрезвычайно трудно допустить в XI–XII вв.

16 Зимин А.А. *Правда Русская*, 89.

Некоторые исследователи отмечали, что среди установлений КрП есть такие, что не могут быть отнесены к началу XI в. и, по всей вероятности, гораздо более позднего происхождения; другие же отмечали в ней противоречия и несообразности. Объясняют это тем, что анахронизмы и несообразности проникли в текст в процессе его «жизнедеятельности» в качестве «живого» юридического кодекса,¹⁷ до того, как памятник оказался включён в состав летописи. Предполагается, что включение в летопись маркирует окончание активной жизни КрП в качестве свода законов и превращение её (и в реальности, и в мнении современников) в «памятник». Летопись оказывается своего рода «архивом», куда сдают важный, но вышедший из употребления документ.¹⁸

Но сколько же времени КрП могла бы действовать в судах? Ответ, разумеется, зависит от того, какую из предложенных схем летописания мы предпочтём. В своём месте попытаемся разобраться в этом детальнее. Здесь же стоит отметить, что любой ответ обескураживает. Согласно А.А. Шахматову, КрП должна была попасть в летопись чрезвычайно рано, ещё в самом начале XI в. Это, кроме прочего, объясняло бы отсутствие у КрП иной, кроме летописной, рукописной традиции. В таком случае у неё была только «жизнь после смерти» – оказавшись в летописи, она становилась юридической «окаменелостью» и уже не могла вбирать в себя новые нормы и установления.

Иной популярной гипотезой есть предположение, что КрП была включена в летопись около 1130-х гг. Удобное с точки зрения схем летописания, это решение всё же оказывается не без убытка для истории КрП. Общее мнение, как кажется, состоит в том, что к концу XI в. КрП была уже настолько устаревшим законодательством, что оказалась быстро вытеснена и заменена гораздо более обширной, детальной и лучше организованной ПрП.¹⁹ Особняком стоит мнение М.Н. Тихомирова, наиболее здравомыслящего из почитателей КрП, утверждавшего, что ввиду более поздних, чем XI в., черт, КрП в её нынешнем виде является продуктом XII в.²⁰ Когда бы не сформировалась окончательно КрП, её включение в летопись только в 1130-х гг. означает, что какое-то продолжительное время оба памятника – и КрП, и ПрП – сосуществовали как актуальные судебные руководства. Подобное сожителство представить трудно.

Если КрП (или её часть) действительно представляет собой то, чем её считает учёная традиция, то есть грамотой, данной Ярославом в 1016 г., она оказывается наиболее ранним текстом, когда-либо написанным в Восточной Европе. Столь ранняя дата обеспечивает ей первенство по отношению ко всему, что известно современной науке, будь то рукопись или археологически добытый артефакт. Филологи должны бы проявлять особое внимание к такому сокровищу, а пренебрежение им было бы равносильно профессиональному преступлению.

17 См., например: Зимин А.А. *Правда Русская*, 47–48.

18 Можно предположить и такой сценарий, согласно которому КрП вносится в летопись, но продолжает действовать в качестве свода законов. Но в таком случае инновации проникали бы в текст того другого, не внесённого в летопись, свода, все списки которого, увы, «погибли».

19 Зимин А.А. *Правда Русская*, 51.

20 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов*. М., Л., 1941, 74–78.

Тем не менее, лингвисты никогда не демонстрировали ни энтузиазма, ни даже глубокого интереса к КрП. И, вероятно, имели на это основания.

Лингвисты, как кажется, согласны в том, что с точки зрения языка КрП выглядит существенно «моложе» ПрП. Само по себе это, разумеется, не доказательство позднего происхождения текста КрП и объясняется поздней датой списков (середина – вторая половина XV в.), в то время, как древнейший список ПрП датируется 1282 г.²¹ Сравнительно поздние списки, впрочем, редко останавливали филологов в поисках древних языковых черт (или их реконструкции),²² а также в попытках точнее датировать текст, содержащийся в позднем списке. Тем не менее, филологи предпочитают говорить о «языке Правды» в целом или изучать древнейшие её списки,²³ проявля удивительную неохоту в исследовании языка именно КрП. Те же немногие, кто непосредственно обращался к теме (А.И. Соболевский, Е.Ф. Карский), оказались среди наиболее откровенных скептиков. Единственная специальная работа о языке именно КрП, принадлежащая С.П. Обнорскому, предлагала выводы двусмысленные и, по большей части, разочаровывающие сторонников древности КрП.²⁴

21 Ср. замечание Тихомирова, сделанное по этому поводу: «В науке существует и несколько иное мнение, разделяемое главным образом лингвистами (А.И.Соболевским, Е.Ф.Карским и С.П.Обнорским). Останавливаясь на языковых особенностях *Краткой Правды*, они указывают, что этот памятник возник сравнительно поздно. В частности, их поражает большое количество церковнославянизмов, которые в гораздо меньшей мере заметны в *Пространной Правде*. Но этот взгляд на *Краткую Правду* не может быть принят, потому что лингвистические наблюдения не всегда имеют характер решительных доказательств. *Краткая Правда* дошла до нас в поздних списках XV в., которые могли подвергнуться правке и изменениям именно языкового характера» (Тихомиров М.Н. Списки и происхождение Русской Правды. *Пособие для изучения Русской Правды*. М., 1953, 20). Ср. также почти одновременные замечания С.В. Юшкова: «Лингвистические данные, на которые они [Соболевский и Карский – А.Т.] опираются, не могут иметь решающего значения. Древнейшие списки *Краткой Правды* – Академический и Археографический – находятся в памятниках XV в. Естественно, что на тексте этих памятников могли отразиться элементы позднейшего языка. Доводы лингвистики при доказательстве позднейшего происхождения *Краткой Правды* могли бы иметь значение только тогда, когда было бы доказано, что элементы языка позднего времени существовали и в протографе древнейших списков *Краткой Правды*» (Юшков С.В. *Русская Правда. Происхождение, источники, её значение*. М., 1950, 195).

22 Наиболее показательный пример (из последних) – книга А.А. Зализняка о «Слове о полку Игореве», в которой автор оказывается в состоянии обнаружить языковые черты XII в., исследуя список 1800 г. (Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: *взгляд лингвиста*. М., 2004).

23 См., например: Обнорский С.П. Русская Правда как памятник русского литературного языка. *Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение общественных наук*. М., Л., 1934, №10, 749–776; Селищев А.М. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. *Вопросы языкознания*. 1957, №4, 57–63.

24 Обнорский С.П. *Очерки по истории русского языка старшего периода*. М., Л., 1946, 9–31. Автор, например, утверждал, что хотя язык сохранившихся списков КрП принадлежит к своему времени (т.е. XV в.), их «протограф», должно быть, относился ко времени не ранее XIII в. «Протограф» Обнорский отличал от некоего текста, который называл «первичным оригиналом». Об этом последнем он высказался так: «Язык первичного оригинала краткой редакции Русской правды по общему своему типу, как и во многих частных чертах, особенно в синтаксисе и лексике, близко подходит к языку первичного оригинала пространной редакции памятника, вскрываемого путём анализа Синодального её списка 1282 г. Это позволяет предполагать, что и хронологически сложение одной и другой редакций памятника не разделялось значительным промежутком времени» (Обнорский С.П. *Очерки по истории русского языка старшего периода*, 31). Вопрос, не может ли эта языковая близость двух редакций объясняться происхождением КрП из текста,

В самом деле, даже на глаз непосвящённого степень языковой модернизации КрП значительно превосходит засвидетельствованные случаи передачи законодательных текстов в летописной традиции. Очевидной параллелью (но и контрастом) здесь оказываются тексты руско-византийских договоров первой половины X в., сохранившиеся в списках *Повести временных лет* конца XIV и начала XV вв. От даты предположительного создания до даты древнейшего летописного списка указанные договоры отделяет приблизительно такое же количество времени, как и в случае КрП – около 500 лет.²⁵ Однако к текстам руско-византийских договоров филологи предъявляют гораздо меньше претензий (даже в варианте Ипатьевского списка, практически синхронного НПЛмл). Более того, сравнение вариантов текста в *Лавр.* и *Ипат.*, представляющих собой весьма рано разошедшиеся ветви ПВЛ, свидетельствует, что тексты договоров оставались довольно стабильными и несколько сот лет раздельной передачи не привели к существенным их изменениям. Трудно вообразить причину, по которой передача КрП в составе летописи оказалась бы принципиально иной и её текст сохранился бы гораздо хуже руско-византийских договоров X в. При том, если права учёная традиция и КрП была занесена в летопись как особо чтимая реликвия новгородской истории, ожидалось бы повышенное внимательное отношение к этому фрагменту со стороны писцов и редакторов.

Стоит отметить ещё одно озадачивающее обстоятельство. КрП, как полагают, представляет собой документ, возникший постепенно и отражавший несколько стадий кодификации (какое-то *uhr*-право, «Древнейшая Правда» Ярослава, «Правда Ярославичей» и, возможно, какие-то поправки начала XII в.). Тем не менее, текст обнаруживает следы работы единой редакторской руки. В отличие от ПрП, например, по-разному именуемой проступки и компенсации нанесённого ущерба в зависимости от существа преступления («за обиду», «за муку», «за пагубу»), КрП знает только один вид компенсации – «за обиду», даже

близкого к *Синодальному* списку, исследователь не счёл нужным обсуждать. Обнорский всё же полагал возможным настаивать на большей архаичности языка КрП по сравнению с ПрП, но практически исключительно на том основании, что в КрП упоминаются более древние обозначения денег (*скот*) и денежных единиц (*веверица*) (Обнорский С.П. *Очерки по истории русского языка старшего периода*, 28–29). Как увидим ниже, эта черта может успешно объясняться имитацией летописных образцов. Наиболее обескураживающим для традиционной точки зрения, впрочем, оказывалось заключение Обнорского, что «составление протографа принадлежало *новгородской* [выделено автором – А.Т.] территории»; иными словами: КрП возникает как новгородский текст. А ведь должна была возникнуть в Киеве!

25 Это, разумеется, по необходимости упрощенное понимание дела. Момент включения руско-византийских договоров в состав летописи также принадлежит к числу дискуссионных вопросов. Как кажется, в последнее время наибольшей популярностью пользуется гипотеза, согласно которой договоры впервые попали в состав летописи только в *Повести временных лет* в начале XII в. В таком случае, дистанция до древнейшего списка (Лаврентьевского, 1377 г.) будет чуть более 250 лет, а до следующего по старшинству (Ипатьевского, 1430-е гг.) – ок. 300 лет. Предполагая (вместе с новейшими исследователями), что КрП впервые попала в летопись в так называемом «своде Всеволода» 1130-х гг. или даже ещё позже – в новгородском своде 1160-х гг., получаем дистанцию до списков ок. 300 лет. При известной разнице, всё равно – вполне сопоставимые величины.

в тех случаях, когда урон нанесён не личной чести,²⁶ но физическому здоровью или же собственности. В небольшом по объёму тексте КрП «обида» упомянута одиннадцать раз. Можно предполагать, что автор КрП не вполне понимал нюансы различных видов проступков (в памятниках т. н. «варварского права»), к которым принадлежит и *Правда руская*, родовые определения преступлений ещё очень редки или же отсутствуют; каждый вид проступка и ущерба есть *sui generis*). Автор же КрП называл следствие всякого преступления родовым понятием «обида». Получилось, что все компенсации – за бесчестье (и, следовательно, все преступления – против чести).²⁷

Неоднократно отмечали, что некоторые термины, упомянутые в КрП, невозможно локализовать в XI в., например, *изгой*. Если относительно этого конкретного можно было бы и поспорить,²⁸ то вот такое (почему-то никем не отмеченное как анахронизм²⁹) наименование должности в княжеской (?) администрации, как *ябетник* (*ябедник*), настораживает. Термин неизвестен домонгольским источникам за одним сравнительно поздним исключением³⁰ и КрП (если это памятник домонгольского времени) – единственный другой текст, упоминающий этого официала.³¹ *Ябетник* отсутствует в аналогичном списке ст. 1 ПрП. Напротив, *ябедники* как служащие новгородской, и именно судебной, администрации хорошо известны из источников XV в., например, в *Новгородской первой летописи младшего извода* под 1446 г.³² и в *Новгородской четвёртой летописи* под 1446 и 1447 г., и упоминаются при весьма драматических обстоятельствах:

26 Именно таково, как кажется, главнейшее значение «обиды» в КрП. Слово, впрочем, могло иметь гораздо более широкий спектр значений в текстах домонгольского времени (см.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Под ред. Р.И. Аванесова, И.С. Улукханова. Т. 5. М., 2002, 473–474).

27 Предположение о том, что КрП представляет собой плоды творчества единого автора, отстаивал, например, Н.А. Максимейко. Не сомневаясь в древности КрП (но относя её, впрочем, ко временам Ярославичей), он указал на целый ряд содержательных признаков, указывающий на то, что КрП составлялась в один приём и, следовательно, одним лицом (Максимейко Н. А. *Опыт критического исследования Русской Правды*. Вып. I: *Краткая редакция*. Харьков, 1914, 52–79). Впрочем, исследователь подметил и одну характерную стилистическую черту, объединяющую весь текст КрП: в ней союз *или* повсеместно употребляется в значении «и если» (напр.: «аще боудеть нога цела *или* начнеть храматн...»; «а иже оубьютъ огнищанина въ разбой *или* убища не ищоуть...»; «*или* ихъ будеть 18, то по трѣ гривнѣ...»; «*или* ся пригодити въ говѣнѣ рыбама...» и т.д.).

28 Действительно, термин характерен для документов не старше XII в. *Изгой*, впрочем, есть в ПрП и мог бы быть заимствован оттуда. Похоже, что и упомянутый в КрП *купчина* (в отличие от *купць*) представляет собой специфически новгородскую форму. Во всяком случае, слово засвидетельствовано только в новгородских текстах конца XII–XIV вв. (см.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 4. М., 1991, 338–339).

29 Различные истолкования термина (но без указания на позднее происхождение!) см.: *Правда Русская*. Т. 2. *Комментарии*. М., Л., 1947, 44–47. Похоже, комментаторы даже не подозревали о существовании такой судебной должности в XV в., иначе не прибежали бы к совершенно экзотическим объяснениям.

30 В *Синодальном* списке *Новгородской первой летописи* под 1218 г.: «И бысть на зиму, побеже Матеи Душильцевичъ, съязавъ Моисѣица бириць ябетниць» (ПСРЛ 3: 58). Здесь, впрочем, можно предполагать изначальное, ещё не терминологическое значение слова – «клеветник».

31 Для «домонгольского времени» и Ягич, и Срезневский могли привести только ст. 1 КрП. *Ябедник* отсутствует в соответствующей статье ПрП.

32 «А в то же время не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и вѣсташа ябетнищи, изнарядиша чети и обѣты и целованья на неправду, и начаша грабити по селамъ и по волостемъ и по городу;

А въ то время не бѣ в Новѣгородѣ правдѣ и правого суда, и восташа ябедници, изнариждиша четы и обѣты целованія на неправду, и начаша грабити по селамъ и по волостемъ и по городу; и бѣахомъ в поругание соуѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всими людьми на старѣишины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ в насъ милости и суда права.

Тогда бѣ весь градъ в сѣтованіи мнози, а голодника и ябедники и посульники радовахуся, толко бы на кого выговорилъ; и того самого смерти предаша, а живот его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во гради мятежь великъ [...]³³

При наличии подобных (и множества иных) проблем интерпретации и, как увидим, весьма сомнительной текстуальной истории, удивительно невелико оказалось число скептиков. Те немногие, кто отваживался высказывать сомнения в древности КрП, были из числа наиболее серьезных филологов своего времени. В 1910 г. Алексей Соболевский в краткой, но составленной в решительных выражениях статье признал КрП неудачным и путаным сокращением гораздо более ценного текста ПрП.³⁴ Двадцатью годами позже, в 1930 г., Евфимий Карский менее решительно, но всё же допускал, что наиболее убедительным объяснением возникновения текста КрП есть предположение о том, что её оригиналом была ПрП.³⁵

С тех пор, насколько можно судить, никто (по крайней мере, печатно) не высказывал сомнений в аутентичности или древности КрП, или же её первенстве по отношению к ПрП. Опыт, впрочем, подсказывает, что раз появившись, скептические суждения не исчезают. Время от времени они – даже будучи осуждены и отвергнуты общим мнением – появляются вновь. Вероятно, количество скептиков в XX в. могло бы быть и большим. Однако в 1930-х гг. в советской историографии утвердилась и безраздельно возобладала концепция феодального строя Киевской Руси. Одной из её характерных черт было максимально возможное удревнение начала феодальных отношений, возникающих то ли в IX, то ли в X вв., но в XI в. уже явственно проявляющих себя в феодальных установлениях *Правды русской*. КрП, таким образом, стала главным доказательством идеологи-

---

и бѣахомъ в поруганье соуѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всими людьми на старѣишины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ в насъ милости и суда права» (ПСРЛ 3: 425).

33 ПСРЛ 4: 440–441, 444. Учитывая эмоции, которые вызывала деятельность ябедников, случайно ли, что КрП прибавляет ябедника к списку тех, кого могут убить?

34 Соболевский А.А. Две редакции Русской Правды. *Сборник статей в честь графини Прасковьи Уваровой*. Пг., 1916.

35 Карский Е.Ф. *Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава*. Л., 1930, 9 («[краткий текст Правды] конечно может основываться на древнейших записях, сделанных ещё при сыновьях Ярослава, но мог явиться и как плод извлечения из кодифицированного после Владимира Мономаха свода. [...] Подобные извлечения и сокращения в летописях дело обычное, ср. в Начальной летописи рассказ об изобретении азбуки и заложении славянской письменности Константином и Мефодием, основанный на довольно неисконном извлечении из их Паннонских житий. Не всегда ведь более краткие редакции оказываются древнее более полных»).

чески весьма ангажированной теории. С этих пор скептики должны были облекать свои суждения в весьма осторожные выражения.

Поразительно, но один из таких скептиков был сотрудником того самого коллектива, что подготовил академическое издание *Правды русской* под редакцией Б.Д. Грекова, едва ли не главного творца теории древнерусского феодализма. В.П. Любимов, человек с непревзойдённым знанием рукописной традиции *Правды*, человек, которому академическое издание обязано своей наиболее изощрённой классификацией текстов, оказывается, придерживался таких же взглядов на историю КрП, как Соболевский и Карский. Если Любимов сегодня не известен среди скептиков, то только потому, что упрятал своё мнение в примечания и был крайне осторожен в выборе слов. Нелишне напомнить его замечания:

Классификация наша выражает господствующий взгляд о том, что краткая Правда в своём образовании предшествовала пространной Правде. Но предлагаемая схема классификации предоставляет возможность изучения памятника, если бы исследователь пришёл и к заключению о приоритете пространной Правды. В этом последнем плане изучения надо только переставить разряды 1 и 2, поставив разряд 2, т. е. пространные списки, на первое место. Мнение некоторых исследователей о приоритете пространной Правды требует специального рассмотрения, какое в рамках настоящего предисловия трудно было бы дать.³⁶

Этот поразительный фрагмент настолько приближается к прямому признанию приоритета ПрП и текстуальной вторичности КрП, насколько было возможно в атмосфере 1930-х гг.

Подведём итог нашим предварительным наблюдениям. КрП весьма затруднительно представить себе как актуальное законодательство XI или любого другого века. Её происхождение и соотношение с ПрП неясны, а «верительные грамоты» как памятника языка неопределённые. Всё, что мы привыкли знать о КрП, вручено нам традицией, установившейся до научного исследования текста. А это последнее состояло до сих пор, по большей части, в нагромождении догадок и предположений, призванных каким-то образом совместить КрП с образом реальной истории Руси XI в. Объём натяжек, необходимый для удержания КрП среди доброкачественных источников XI в. таков, что явно выходит за пределы допустимого даже в такой дисциплине, как история Руси, где количество гипотез превышает объём свидетельств.

---

36 Любимов В.П. Списки Правды Русской. *Правда Русская*. Т. 1. *Тексты*. М., Л., 1940, 30, прим. 2.